

Не прошло и пятнадцати минут, как спасательные отряды покинули дом. Молли мерила шагами двор «Норы» под пристальным взглядом не менее взволнованной Джинни, которая сидела на ступеньках. Тем временем Поппи Помфри была занята установкой оборудования для небольшой переносной лаборатории по изготовлению зелий у изголовья только что наколдованной постели.

По двору разнеслась пара громких хлопков, когда четверо человек появились из ниоткуда. Гермиона сразу же свалилась на землю под тяжестью веса Гарри. Рон стоял с палочкой в руке рядом с мистером Грейнджером, который упал на колени, задыхаясь от вызванного аппарацией удушья. Молли опасливо всматривалась в незнакомца, направив на него палочку, пока не признала в нём отца Гермионы. Волна облегчения тут же сменилась шоком. Молли замерла на месте, когда её взгляд упал на парня без сознания на руках Гермионы.

С перекошенным от ужаса лицом Джинни подбежала к Гарри:

— Мама, да помоги же ему!

Молли, наконец, отошла от потрясения, одним взмахом палочки левитируя Гарри в нескольких дюймах над землёй.

— Быстрее! Поппи уже подготовила кровать.

Как только Гермиона почувствовала, что ничто на нее не давит, она достала галлеон из кармана и дотронулась до него палочкой, сигнализируя оставшейся команде, что Гарри доставлен в «Нору».

Молли повела маленькую процессию в дом, Гермиона и Рон левитировали парящего Гарри следом за напуганной Джинни и озадаченным мистером Грейнджером.

Уже через пару секунд Гарри лежал в кровати, а мадам Помфри выпроводила всех остальных из комнаты. Мистер Грейнджер, Рон, Молли и Джинни сидели за кухонным столом, пока выглядящая потерянной Гермиона медленно расхаживала по комнате взад и вперед. Молли тихо шмыгала носом, время от времени вытирая глаза наколдованным носовым платком, в то время как Рон и Джинни сидели молча.

Мистер Грейнджер внимательно наблюдал за дочерью. Он никогда не видел её такой взволнованной, расстроенной... и такой изможденной. Она выглядела куда более уставшей, чем обычно, и он был очень обеспокоен её болезненным цветом лица и темными кругами под глазами.

— Я полагаю, что этот парень — один из ваших? — вопрос был задан из чистого любопытства и не содержал ни капли того яда, которым бы сочился, исходя из уст Вернона Дурсля.

— Да, — ответила Гермиона, продолжая нервно ходить из стороны в сторону, — его зовут Гарри Поттер, он мой школьный друг.

Мистер Грейнджер кивнул.

— Понятно.

И продолжил наблюдать за дочерью.

— Папа, что ты делал в том госпитале?

— Меня вызвали туда, чтобы я привел в порядок этому парню передние зубы. Скорее всего, он сломал их уже давно, и каждый раз, когда у него случался один из этих его «приступов», он резал весь рот и язык об их острые обломки. Этот парень ведь в очень плохой форме, ведь так?

Гермиона остановилась и посмотрела на отца с нечитаемым выражением:

— Приступов? Что ты имеешь в виду?

— Из того, что мне рассказали медсестры, приблизительно каждые два дня у него были сильные припадки, он начинал кричать; казалось, что он был до смерти испуган, будто он видел что-то ужасное. Постоянно выкрикивал одно и то же имя. По рассказам, далеко не самое приятное зрелище, — мистер Грейнджер внимательно всматривался в лицо дочери и заметил тень страха на нем.

Джинни сидела не шевелясь, натянув на лицо безучастное выражение, пока слушала их разговор. Внутри себя, однако, она довольно улыбалась:

«Не все еще потеряно! Он до сих пор любит меня!» — думала она.

Возникла пауза. Гермиона продолжала своё хождение по комнате, не отрывая взгляда от пола.

— Гермиона... — сказал мистер Грейнджер.

— Что, папа? — ответила она, не останавливаясь.

— Ничего, — сказал он, не сводя глаз с лица дочери. — Имя, которое он выкрикивал — «Гермиона». Оно не такое уж и распространённое, ведь так? Если только кто-то не увлекается Шекспиром, как твоя мама...

Гермиона остановилась, её глаза расширились.

* * *

Все члены Ордена почувствовали, что монеты в карманах начали нагреваться, указывая на успешное завершение операции. Дождавшись появления официальных властей, они дизаппарировали обратно в «Нору», оставляя авроров и обливиаторов расчищать беспорядок в госпитале Святого Томаса. Министерство подбросило им работу, как нельзя лучше им подходящую.

К счастью, никто не получил серьезных повреждений. Рука Ремуса Люпина кровоточила после попадания вскользь заклинанием «*Reducto*», и Артур Уизли всё ещё был дезориентированным после Оглушающего проклятия, которое получил в спину. Оставшаяся часть второй команды вернулась изрядно напуганной, но невредимой. Третья команда, состоящая из Фреда и Джорджа, осталась в госпитале, тайно собирая информацию о последствиях операции.

Чарли с Муди поспешили вперед, чтобы сообщить мадам Помфри о ранении Люпина. Чарли открыл входную дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как разъяренная Джинни вихрем проносится по кухне и дает пощечину пораженной Гермионе.

— Я так и знала! Это из-за тебя он порвал со мной, ты просто не смогла видеть его счастливым, да? — Джинни исчезла вверху лестницы, гневно топая всю дорогу к своей комнате. Рон и Молли сидели за столом, насупившись и с подозрением глядя на Гермиону. Еще один сидящий за столом человек был незнакомым Чарли магглом, и он тоже смотрел на Гермиону с пытливым выражением лица.

— Что здесь происходит?

— Кажется, моя дочь завела себе парня в лице молодого мистера Поттера... — мягко сказал мистер Грейнджер, не отводя взгляда с лица дочери.

Все в комнате ожидающе смотрели на Гермиону, кроме Грюма, который не сводил своего магического глаза с маггла за столом. Гермиона прекрасно понимала, о чём они сейчас думают. А почему же еще Гарри мог выкрикивать ее имя? В этот момент, все, что она хотела, — это выбежать из дома, аппарировать в свою спальню и проплакать неделю. Только опасение о состоянии Гарри не давало так поступить.

— Я не знаю, почему... — она почувствовала, как от смущения щеки начали пылать и слезы угрожали вот-вот политься из глаз, — он не мой парень! То есть, между мной и Гарри ничего нет и... Ох, как вы могли такое подумать?

Люпин и Тонкс, помогающая ему войти в двери, остановились, когда увидели смесь озадаченных и рассерженных взглядов, адресованных Гермионе.

— Приветик, что случилось? — Тонкс заметила недружелюбные взгляды, направленные на Гермиону, и подумала, что даже если она не знает, что здесь произошло, то должна как-то переключить все внимание на себя.

Она спросила:

— Как дела у Гарри?

Никто не ответил. Тонкс посмотрела на Чарли, придерживая пошатывающегося Люпина:

— Ну же, лишняя помощь мне бы не помешала.

Чарли осторожно взял Люпина за поврежденную руку и помог Тонкс отвести его в другую комнату, где Поппи ухаживала за Гарри. Молли встала и, смотря прямо перед собой, молча вышла из комнаты, последовав за Джинни вверх по лестнице.

Все услышали, как открылась дверь гостиной, где находились Гарри и Поппи, а потом дружный возглас «Ничего себе!» Чарли, Тонкс и Люпина.

Такая реакция на вид Гарри оказалась последней каплей, чтобы плотину чувств Гермионы прорвало. Адреналин, переполнявший ее во время битвы, уже давно испарился, оставив ощущение опустошенности. Смесь смущения, вызванного никем иным, как ее собственным отцом, страха и вины, которые она ощутила, когда впервые увидела Гарри в таком состоянии и шок в голосах других, наконец, разломил щит, который она отчаянно возводила вокруг своих эмоций. Она осела на колени, спрятала лицо в ладонях и тихо заплакала.

— Я сделаю чаю, — сказал Артур, направляясь к плите. — Я бы точно от него не отказался.

Рон смотрел, как Гермиона плачет на полу:

— Это правда? — холодно спросил он.

— Что ты имеешь в виду? — рявкнула Гермиона. — Даже если бы это было правдой, разве тебе не всё равно?

— Ну, я бы хотел знать, если моя девушка будет целоваться с парнем моей сестры у меня за спиной...

— Последнее, что я слышала, это то, что Гарри и Джинни расстались... И когда я, вообще, была твоей девушкой? — закричала Гермиона. — Тебя что-то не очень волновало, кто с кем целуется, когда ты засовывал язык в рот этой девчонки Делакур на приеме прошлой ночью, разве нет? На мой взгляд, ты зашел с Габриель намного дальше, чем со мной! Тебя даже не смутило, что девочке всего четырнадцать!

— Ты же знаешь, что я не хотел это делать! — защищался побледневший Рон. — Она подкралась ко мне и применила эти... эти вейловские чары! Я не виноват!

Гермиона посмотрела на него с недоверием:

— Да? Значит, когда бы ни появилась твоя свояченица, все должны отворачиваться и улыбаться, пока вы будете лизаться?! Или ты думаешь, что окружающие будут спокойно передавать соль над твоим задом, пока ты будешь трахать ее на кухонном столе?

— Слушай, извини меня, ладно? Я не смог ей противиться! Ты же знаешь, какие они! — тихо сказал Рон с ноткой страха в голосе. — Это больше не повторится.

— Мне не интересно, повторится это или нет, это совершенно меня не касается, — холодно уточнила Гермиона.

Лицо Рона вытянулось:

— Значит это всё? Ты порвёшь со мной из-за одной ошибки? Я же извинился...

— Это была чертовски большая ошибка, Рональд, и к тому же нам нечего «разрывать». Я никогда не была твоей девушкой, — Гермиона развернулась к отцу и продолжила: — И я также никогда не была девушкой Гарри, невзирая на то, что писали в «Ежедневном пророке».

Она посмотрела на сидящих за столом:

— Можете передать это и Джинни... хотя я сомневаюсь, что она станет слушать.

Комната погрузилась в тишину, и взгляды присутствующих долго еще блуждали по комнате, не считая мистера Грейнджера, который продолжал изучать свою дочь. Рон открыл было рот, чтобы заговорить, но был прерван мадам Помфри, появившейся из другой комнаты. Сидящая на полу Гермиона закрыла глаза и затаила дыхание, пока слушала ее.

— Мистеру Люпину необходимо немного отдохнуть, но с ним будет все в порядке, — сообщила она. — Мистер Поттер, однако... Ни здесь, ни в Хогвартсе я не смогу оказать ему помощь. Его нужно немедленно отправить в больницу Святого Мунго.

— Ты можешь нам сказать, что с ним? — спросил Артур, ставя свой чай на стол.

— Насколько я вижу, с ним всё в порядке, за исключением того, что он находится при смерти. Нет никаких следов повреждения заклятиями, ядами или болезнями. Я залечила его сломанный нос и зубы, и он немного отощал, но я не могу найти ничего, что объяснило бы его теперешнее состояние.

— Мадам Помфри, — осторожно начала Гермиона, — возможно, следует использовать заклятие «Ахматари», аврор в поезде применил его.

Мадам Помфри посмотрела на неё с подозрением:

— Вы уже видели раньше Гарри в таком состоянии?

Гермиона и Рон кратко рассказали группе ошеломлённых взрослых, что случилось в поезде во время поездки домой из Хогвартса. Поппи применила заклинание, но эффект был незначительный.

— Попытаться стоило, — сказала мадам Помфри. — Я договорюсь, чтобы его переместили в Святого Мунго как можно быстрее. Артур, не составишь мне компанию?

Мистер Уизли кивнул и последовал за мадам Помфри в другую комнату.

Гермионе необходимо было время не только для того, чтобы разобраться со своими проблемами, но и просто поспать, в чем она так отчаянно нуждалась. С Гарри, может быть, сейчас не все порядке, но она хотя бы знает, где он, и может, ожидая лучшего, посетить его следующим утром. Она встала и подошла к отцу:

— Думаю, мне нужно доставить тебя домой, папа.

— Я должен попасть к моей машине у госпиталя Святого Томаса...

— Там сейчас очень опасно... Мама сможет подвезти тебя завтра?

— Да, я полагаю, что сможет, — ответил он, пока Гермиона выводила его из дома. — Эта телепортация весьма неприятная вещь, ты знаешь это?

Она подарила отцу неуверенную улыбку и кивнула:

— Это не так уж и плохо, когда привыкнешь.

Этой ночью, как вошло у нее в привычку, Гермиона поспала совсем немного. Её мысли всё переносились в прошлое, не только ко вчерашним событиям и происшествиям прошлого месяца, а по большей части, к нескольким годам её жизни, точнее, к её взаимоотношениям с двумя лучшими друзьями. Она привыкла быть всегда права. Она так привыкла к тому, что у неё находятся ответы, когда бы они ни были нужны. Как вышло, что ее личная жизнь оказалось так ужасно... запутанной? Как она могла настолько ошибаться?

Вначале Гермиона была уверена, что нравится Рону, и, судя по типам девушек, которые, по-видимому, нравятся Гарри, тот никогда не смог бы полюбить такую, как она: невыразимо правильную и скучную. Как выяснилось, Рону оказалась нужна более стоворчивая, расположенная к нему девушка, а Гарри... Гермиона не была полностью уверена в том, что именно хотел Гарри, но она и представить не смела, что это была она. Чоу была красива, бессмысленно это отрицать, так же, как и Джинни. Обе были легкомысленны, атлетичны, популярны, обе общительны, с обеими весело... И всеми этими качествами она не обладала. Как Гарри вообще мог «полюбить» её? Как бы ей и ни хотелось это признавать, но с ней нельзя было повеселиться. Она не красавица, не популярна или общительна. В этом её проблема? Это из-за этого все, кого она встречала, считали её «кошмаром»? Действительно ли она «невыносимая всезнайка»?

Действительно ли все изменилось бы, если бы она больше времени уделяла своему внешнему виду и меньше книгам? Стала ли ее жизнь другой, если бы она вела себя более беззаботно и жизнерадостно? Да, всё было бы по-другому... Но она стала бы не нужна. Без её мозгов, сообразительности, вероятно, она не была бы такой одинокой в детстве; вероятно, у неё было бы много друзей, но она точно не стала бы другом Гарри. Ему не нужна была ещё одна поклонница, плящущая на него в Большом зале. Гарри не нужна еще одна улыбающаяся ему девушка в коридоре на перемене, которая молилась бы, чтобы Гарри ее, наконец, заметил. Она была бы не нужна ему, и сейчас, если все, что она сможет добиться от Гарри — это потребность в её знаниях, то, по крайней мере, она нужна ему хоть для чего-то.

И всё же... он ведь сказал, что любит её, разве нет?

* * *

За последующие две недели с Гарри произошли совсем незначительные изменения. Его перевели в крыло «Повреждений от заклятий» на четвертом этаже госпиталя Св. Мунго, хотя еще предстояло найти эти самые повреждения или любые другие травмы. Гарри оставался без сознания и не реагировал на любое проводимое лечение. Рон и Гермиона находились в больнице каждый день, возвращаясь домой лишь для того, чтобы привести себя в порядок и немного поспать.

Рон и Гермиона сидели напротив друг друга в кафе на пятом этаже больницы. Гермиона молча

сверлила взглядом лежащий перед ней бутерброд, пока Рон читал выпуск «Ежедневного пророка». Вошел Фред Уизли и сел рядом с братом.

— Я только что был у него, — сказал Фред мрачно. — По-прежнему без изменений.

— Да, мы знаем, — сказал Рон. — Надеюсь, они скоро выяснят, что с Гарри. Они посылают за целителями со всего света, я слышал, что сюда едет один из Австралии, а другой из Бразилии.

— Тот целитель из Греции не смог ничего сделать? — спросил Фред.

— Нет, не смог... — ответил Рон. — Разве они, спустя всего лишь час, чуть ли не вышвырнули его из больницы?

Фред заметил, что Гермиона не отводит глаз от сэндвича, на который Рон украдкой бросает взгляды. Он все еще не привык видеть Гермиону в таком состоянии: замкнутой и мрачной, с постоянным унылым выражением лица. Фред уже забыл, когда она последний раз искренне улыбалась.

Он улыбнулся ей одной из лучших «улыбок близнецов Уизли» и сказал:

— Гермиона, тебе бы лучше поскорее съесть это, или наш малютка Ронни доберётся до тарелки первым.

Его улыбка дрогнула, когда Гермиона, не поднимая взгляда, медленно пододвинула тарелку так, что та оказалась прямо перед Роном. Увидев, как рука Рона потянулась к тарелке, Фред уже собрался наброситься на брата, но он с несчастным выражением лица вернул тарелку на место.

— Пожалуйста, Гермиона, — сказал Рон. — Ты должна поесть.

— Я не голодна, Рон.

— Каждый день одно и то же, — сказал Рон, начиная злиться. — Посмотри на себя, Гермиона. Ты не ешь почти ничего вот уже несколько недель. Ты действительно считаешь, что Гарри был бы рад, узнав, что из-за него ты так голодаешь?

Гермиона ничего не ответила, просто продолжила смотреть на тарелку.

— Что с тобой, Гермиона? — спросил Фред с нехарактерной ему серьёзностью. — Это уже не просто беспокойство. О чём ты думаешь? Что не так?

— Ты не поймёшь, — холодно ответила Гермиона.

— А ты проверь, — сказал Фред, искренне сочувствуя.

Гермиона вздохнула:

— Я наблюдала за этим весь прошлый год. У Гарри появилась книга «Принца-Полукровки», появилась Джинни. Ему больше не нужна моя помощь со школьными заданиями. Не нужна моя дружба, чтобы чувствовать себя счастливым. Я была ему не нужна! Я поняла, что единственная причина, по которой он со мной дружил — это то, что он мог рассчитывать на меня все эти годы. Я всегда была рядом и могла помочь, несмотря ни на что. И неважно что: получить философский камень, узнать, что связывает его с Тайной комнатой, или проследить, чтобы он подготовился к этим треклятым Турнирным заданиям, — я всегда могла помочь ему. Я всегда была готова помочь, но не в прошлом году. Тогда я так убедила себя, что он больше не нуждается в моей помощи, и позволила отдалиться от себя. Я заметила, что почти постоянно он меня раздражает. Я отказывалась верить тому, что он говорит о Снейпе и Малфое, и я так завидовала Джинни, да ещё эта чёртова книга рассорила нас. Я была так напугана, что он больше никогда не попросит моей помощи, что он никогда... Что он не захочет... — она отвернулась и, наскоро вытерев выступившие слезы, продолжила тихим голосом. — Он стал моим первым другом за всю жизнь. Самым первым и самым лучшим другом. Как я могла относиться к нему так? Что на меня нашло?

Она снова почувствовала, что в горле образовывался комок, как часто случалось в течение последнего месяца.

— Вот мой шанс помочь ему. Теперь он во мне нуждается, но я никак не могу понять, что делать. Наконец-то ему нужна моя помощь, а я сижу здесь и пялюсь на этот сэндвич, когда должна делать что-нибудь, но у меня нет ни малейшей догадки, с чего начать! Если бы кто-нибудь проклял его, я, по крайней мере, знала бы, где искать. Если бы только у меня была подсказка, любая информация, которая указала бы мне верное направление для поисков. Я не могу заснуть по ночам, думая только об этом, или сижу за столом, перечитывая все свои книги, перебираю всё, что знаю, но ничего не подходит. Если лучшие целители со всего мира не знают, что с ним случилось, каков шанс того, что это пойму я? Я чувствую себя такой потерянной... такой бесполезной!

Она мельком глянула на братьев, сочувствующе смотрящих на нее, и упрямо сказала:

— Я выгляжу жалко, да? — её плечи опустились, будто в знак поражения, и она, снова замкнувшись в себе, продолжила смотреть на сэндвич.

— Гермиона, бросай думать об этом, — сказал Рон. — Мы должны надеяться на лучшее. Ты же знаешь, что Гарри не может умереть из-за этого.

— Да? И почему ты так в этом уверен? — спросила Гермиона, не отрывая взгляда от тарелки.

— Ну, ты же знаешь, пророчество... — пока Рон говорил, Гермиона испуганно резко вскинула голову. — Один должен умереть от руки... Ай!

Гермиона ударила Рона под столом. Не так сильно, как хотелось, но достаточно, чтобы он инстинктивно потянулся к ноге и прижал подбородок к столу.

— Рональд, ты иногда бываешь таким глупым, — прошипела она, на мгновение глянув на него, а затем, увидев, что Рон понял, что не следовало об этом говорить в присутствии Фреда, она слегка улыбнулась, первой искренней улыбкой за очень долгое время. Но улыбка быстро спала, когда Фред осознал, что только что произошло.

— Какое пророчество? — сказал Фред недоверчиво, — То, что из министерства? Вы оба знаете, о чём оно, и там говорится, как умрёт Гарри?

— Фред, забудь то, что ты слышал, — попросила Гермиона умоляющим голосом. — Ты всё неправильно понял. Мы знаем, что сейчас ты полноправный член Ордена, но ты не представляешь, как важно, чтобы об этом не пошли слухи.

Фред недолго обдумывал её слова, учитывая то, как сильно он уважает Гарри и как они оба, Фред и Джордж, обязаны ему, и не только в отношении денег. Он просто кивнул и встал со стула:

— Ладно, мне нужно возвращаться в магазин. Постарайся не заикливаться на вещах, которые не можешь контролировать, Гермиона. Я уверен, Гарри поправится.

Когда Фред вышел, пара мальчиков вошло в кафе. Одного Гермиона узнала сразу, он учился в Хогвартсе. Барнабас Уиндон, увидев знакомые лица, неуверенно помахал им. Присевшие за соседний столик мальчики выглядели сильно обеспокоенными. Гермиона, заметив их подавленное состояние, помахала им и предложила присоединиться. Гермиона подумала, что если она ободрит кого-нибудь другого, то сможет и себе поднять настроение. Поколебавшись, они неохотно согласились.

— Привет, Барнабас, — поприветствовала его Гермиона, стараясь, чтобы ее голос звучал радостно. — Рон, познакомься, это Барнабас Уиндон, он тоже учится в Хогвартсе.

— Привет, Барнабас, — сказал Рон. — Это твой друг? Как его зовут?

Барнабас выглядел так, будто очень хотел оказать где-нибудь в другом месте, а не сидеть рядом с двумя будущими семикурсниками, и в особенности именно с этими семикурсниками, нервно ответил:

— Это Альберт Абернати, он через пару лет пойдёт в Хогвартс.

— Привет, Альберт, я...

— Гермиона Грейнджер... — хрипло закончил за неё Альберт, а его глаза расширились от

удивления. Он повернулся к Рону и продолжил: — А вы Рон Уизли! Вы знамениты, каждый знает, кто вы такие!

Рон широко улыбнулся, слушая Альберта, а Гермиона закатила глаза. Рон проигнорировал её и сказал:

— Вы навещаете здесь кого-то?

Двое мальчиков переглянулись и сразу погрузнели:

— Ну, да, — печально ответил Барнабас, — Наша подруга Котона лежит здесь. Мы очень беспокоимся о ней.

— Котона? — переспросила Гермиона, — Та девочка, которую мы видели на вокзале Кингс-Кросс?

— Да, она очень больна. Она здесь очень давно, и ей не становится лучше. Они нам не говорят, но мы думаем, что Котона умрёт, — Альберт только кивнул в знак согласия.

— Что с ней случилось? — Спросил Рон.

— Никто не знает. Однажды утром мы попытались её разбудить, но она не просыпалась. Она была бледнее, чем обычно, и очень холодная, когда я прикоснулся к ней. Они привезли её сюда почти месяц назад, и с тех пор ей не становится лучше, — Барнабас задумался на минуту, потом колеблясь, спросил. — Вы оба друзья Гарри Поттера... Вы могли бы...

Он замолчал, глядя на свои руки, которые он не знал куда деть, а потом заговорил, не останавливаясь:

— Вы могли бы попросить Гарри, чтобы он навестил её? У Котоны никогда не бывает посетителей, кроме нас, а он ей очень нравится, я уверен, что она пойдёт на поправку быстрее, если Гарри навестит её; она думает о Гарри постоянно и, если он не сильно занят, ей бы это очень понравилось и...

Ему пришлось прервать свою речь, когда кончился воздух в лёгких. Барнабас глубоко вдохнул, будто собираясь продолжить свой лепет, но вместо этого с надеждой уставился на Гермиону и Рона, с волнением ожидая ответ одного из них.

В горле Гермионы снова начал образовываться комок:

— Мне очень жаль, но Гарри сейчас не может этого сделать. Может быть, мы навестим её?
— спросила она, указывая на Рона и себя.

Мальчик заволновался:

— Я... Я не думаю, что это хорошая идея. Котона очень стесняется своей внешности, к тому же сейчас она менее прикрыта, чем обычно.

— А что с ней не так? — спросил Рон. — То есть, ведь не может быть так всё плохо...

— Котона не «обычная» девочка, — начал Барнабас, — она... ну...

Он с досадой вздохнул, пытаясь подобрать слова.

— Я думаю, будет лучше, если мисс Мелани, она наш руководитель, всё вам объяснит, сам я в этом ничего не понимаю, но люди очень пугаются, когда видят Котону, а это её очень расстраивает, но это неправильно, потому что Котона очень добрая девочка. Все в приюте любят её.

— Она сирота? — спросил Рон. Гермиона закатила глаза и наградила его сердитым взглядом.

— Ну, да, и мы с Альбертом тоже. Это не то, чем можно похвастаться, вы же понимаете...

Гермиона подарила ему добрую улыбку и сказала:

— Ну, пойдем, поговорим с мисс Мелани.

Через несколько минут они уже находились в небольшом детском отделении больницы Св. Мунго, находящемся на первом этаже. Здесь преобладали яркие цвета, а стены украшали милые по-детски нарисованные мифические существа. Пегасы беззаботно летали между стропилами высоко под потолком, а дружелюбные детеныши химер, гарпий и фурий танцевали на стенах или играли в «прятки» или «куку» с хихикающими детьми, ждущими в приёмной.

В приёмной спокойно сидела суровая на взгляд руководительница Хаверсхемского приюта для магов, мисс Мелани. Гермиона сразу же вспомнила её — это была та самая пожилая женщина с платформы девять и три четверти со станции Кингс-Кросс. Группа последовала за Барнабасом в угол комнаты, и после короткого знакомства все комфортно расселись.

— Мисс Мелани, — начал Барнабас, — я хотел бы вас попросить, чтобы вы рассказали им о

Котоне. Они хотели навестить её, но из прошлого опыта... Ну, я думаю, что вы объясните им лучше, чем я.

— Понятно... — сказала мисс Мелани, оценивающе смотря на Рона и Гермиону, — мы должны спросить Котону, хочет ли она видеть посетителей, однако ей уже пора привыкать к посторонним людям, если она хочет пойти в Хогвартс этой осенью. Прежде чем вы увидите Котону, вам нужно знать несколько вещей о ней.

Рон и Гермиона сидели молча и только кивали в знак понимания.

Мисс Мелани начала:

— Котона попала к нам три года назад. Они с родителями приехали из Японии, чтобы побывать на Кубке мира по квиддичу. Её родители были убиты во время атаки Пожирателей Смерти. Я знаю, что тогда не поступало никаких заявлений об убийствах, но, я полагаю, министр в тот момент решил замять это дело. У Котоны больше нет других родственников, которые могли или хотели забрать её.

Рон и Гермиона переглянулись и одновременно подумали о схожести Гарри и Котоны.

Мисс Мелани продолжила:

— Когда она попала в приют, нам открылась причина, из-за которой ни один из живых родственников не пожелал забрать её... — она медлила.

Мисс Мелани рассказывала эту историю уже много раз и каждый раз видела одну и ту же реакцию — страх и отвращение. Эта была обычная реакция.

— ...Из-за того, что она проклята... она полу-демон.

Она снова замолчала, наблюдая за реакцией двух подростков. Удивившись, что ни один из них никак на это не отреагировал, она продолжила:

— Вы слышали об «Они»?

Рон и Гермиона непонимающе переглянулись.

— Нет, не слышали, — ответила Гермиона.

— Ну, это и не удивительно... Согласно японской мифологии, «Они» — это демоны, которые охотились на людей, в особенности на злых. Считалось, что многие из этих демонов могли

видеть «зло» во всех людях, поэтому их все боялись и ненавидели. На самом деле они были охотниками на тёмных волшебников и часто работали на богачей, защищая их семьи и имущество. Несмотря на свою благосклонность к людям, многие из «Они» требовали огромную плату за свои «услуги». Котона является результатом одной такой платы. Несколько сотен лет назад её предок нанял «Они» для защиты его замка от нападения другого волшебника. В качестве оплаты демон потребовал, чтобы последний рождённый ребёнок в его семье был зачат демоном. Но предок Котоны тогда не понял, что демон имел в виду, что все новорождённые дети будут зачаты им, ведь мать становилась стерильной после родов. Демон выполнил свою часть сделки, и плата неохотно была выплачена. Котона — последний родившийся ребёнок в этой семье, полу-Они... полу-демон.

— И как всё это относится к тому, как она выглядит? — спросил Рон с редким для него интересом.

— Скажем так, чистокровные «Они» не очень приятные на вид. Если Котона разрешит, вы сможете сами в этом убедиться, но я полагаю, она захочет надеть свою маску.

Гермиона, зная, насколько Рон может быть тактичен, предложила навестить Котону в одиночку. Барнабас ушел спросить её, примет ли она посетителя, а минутой позже вернулся, чтобы проводить Гермиону в палату Котоны.

— Я уже надел на неё маску, — начал объяснять Барнабас, заходя в палату. — Чтобы «поговорить» с ней, вы должны смотреть ей прямо в глаза. Если что, я буду рядом.

Эта палата была такая же, как и многие палаты пациентов в больнице Святого Мунго. Голые стены и пол, уютный белый свет, льющийся в палату и чистое белое постельное бельё придавали ей ощущение стерильности. Котона лежала на кровати, по шее прикрывшись простынёй. На ней была полумаска из белоснежного фарфора, закрывающая нижнюю часть лица, скрывая рот и нос. На маске были нарисованы только красные губы и слабый румянец. Белизна фарфора почти идеально совпадала с цветом лица маленькой девочки.

Первым, что привлекло внимание Гермионы — были волосы Котоны. Когда она впервые встретила эту девочку на станции Кингс-Кросс, её волосы были скрыты под капюшоном мантии. Для Гермионы стало сюрпризом, что они оказались ярко-белыми, почти светящимися, как у взрослого единорога. Но цвет был не самым интересным в её волосах. Что на самом деле привлекло Гермиону в волосах Котоны — они шевелились. Медленно струились по подушке, будто на них дул легкий ветерок или каждая прядь жила своей жизнью. Пара маленьких золотых рожек виднелась под волосами, чуть выше лба. Бледные уши девочки были немного больше обычных и заострились кверху, по типу ушей домашних эльфов, но не были настолько длинными. Потом Гермиона отметила кошачьи глаза девочки. Удивительные, фиолетовые, как аметисты, глаза были широко раскрыты и смотрели в потолок. Казалось, Котона притягивала своей своеобразной красотой, подобно тому, как вейлы оказывали свое влияние на мужчин.

— Мерлин, она... она прекрасна! — замороженно прошептала Гермиона.

Барнабас хмыкнул себе под нос и тихо сказал:

— Вы не видели её без маски или когда она сердита.

Гермиона замерла в дверях, прикованная к месту, пытаясь представить себе, как можно бояться этой маленькой девочки.

Гермиона мысленно встряхнулась, чтобы выйти из оцепенения и сказала:

— Котона, я подруга Гарри Поттера, ты помнишь меня?

— Вы должны смотреть прямо ей в глаза, — сказал Барнабас, — иначе она не сможет с вами э-э-э... «поговорить»...

Гермиона осторожно подошла к кровати и проговорила:

— Котона?

Глаза Котоны не двигаясь, смотрели на потолок над ней. Гермиона наклонилась над кроватью девочки, и в ту секунду, когда они пересеклись взглядами, её охватило странное ощущение, будто бы зрение сфокусировалось только на глазах девочки, а вся остальная комната погрузилась во тьму.

Воздушный мелодичный голос зазвучал в сознании Гермионы, говоря на японском языке, но слова, отдаваясь эхом, преобразовывались в английские.

— Я тебя знаю. Ты Каваузо, спутница Ожики. Ты И-гуру, он Шиши, — голос был очень слаб.

Гермиона, услышав слово «Шиши», смогла только соотнести его с прозвищем, которое Лаванда Браун использовала для Рона весь шестой год — «Бон-Бон». Она не знала, что ответить на это, до конца не понимая, что же хочет сказать эта девочка. Однако слово «спутница» не осталось ею незамеченным.

— Твой друг Барнабас спрашивал, не может ли Гарри Поттер навестить тебя, но он...

— Да, я знаю, что с Ожикой, я с ним. Я защищаю его, удерживаю его душу. Он ждёт Каваузо, его Ваши. Я устала, я смогу оберегать его еще недолго.

— Я не понимаю, — сказала Гермиона. — Когда ты говоришь Ожика, ты имеешь в виду Гарри?

— Да, Шиши, лев, Ожика, сохатый, — ответила Котона. — Он ждет Каваузо.

— Кто такой Каваузо? Что он может сделать?

— Ты Каваузо, ты его Ваши... Выдра, его Орлица. Я умоляю, пожалуйста, поторопись, мои силы на исходе... Ему нужна Каваузо... Торопись!

Маленькая девочка потеряла сознание. Её глаза закрылись, голова слегка повернулась на подушке, позволяя фарфоровой маске слегка соскользнуть с нижней части лица, обнажая часть щеки и челюсть.

Когда зрительный контакт с девочкой прервался, Гермiona отшатнулась от кровати. Она ещё некоторое время безучастно смотрела на Котону, пораженная тем, как сильно маленькая маска может изменить чей-то внешний вид. У маленькой девочки были толстые, кроваво-красные губы, а рот растягивался почти до остроконечных ушей. Внизу её широкого квадратного подбородка виднелась другая пара крошечных золотых рожек, очень похожих на те, что выглядывали сквозь волосы на голове. Несколько блестящих чёрных клыков выступали из-за губ, верхняя пара достигала подбородка, а нижняя почти касалась маленького вздернутого носа. Эти скрытые ранее маской черты кардинально меняли представление о том, как любой человек будет реагировать, увидев её. Теперь Гермiona могла понять, как можно испытывать страх перед этой маленькой девочкой.

Барнабас, заметив, что маска Котона соскользнула, бросился к кровати и, замешкавшись, вернул её на место. Заикаясь, он произнес:

— П-простите, мисс Грейнджер, я надеюсь она вас не н-н-напугала, я... я понимаю, как...

Гермиона глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, отчаянно стараясь не дрожать, прежде чем повернуться к Барнабасу:

— Барнабас, сколько точно она здесь находится?

— Как я говорил раньше, уже почти месяц и...

Гермиона уже не слышала остальную часть ответа, погружившись в мысли:

«Каваузо?.. Выдра?..» — думала она про себя.

Искра понимания сверкнула в её внезапно расширившихся глазах:

— Мой Патронус?

Гермиона выскочила из комнаты и, не останавливаясь, пересекла коридор детского крыла, пока не достигла приёмной. Она увидела, что Рон всё ещё сидит в уголке и разговаривает с

Альбертом и мисс Мелани.

— Рон! Нам нужно к Гарри, СЕЙЧАС ЖЕ!

Рон, поспешно попрощавшись, выбежал из детского крыла вслед за Гермионой. Несколько минут спустя они, столкнувшись с удивлённой Тонкс, охраняющей палату Гарри, ворвались внутрь. Картина, представшая перед ними, заставила их резко остановиться.

Пронзительный крик коснулся ушей Гермионы. Она знала, что «припадки» мучают Гарри время от времени, но никогда не видела их... до этого момента. Целительница сверху придавливала Гарри своим весом, чтобы он не свалился с кровати. Глаза Гарри были широко распахнуты от ужаса, он ожесточенно бил руками и ногами, выкрикивая непонятные слова.

Целительница беспомощно посмотрела на вошедших, стараясь удержать Гарри на кровати:

— Я ещё не видела, чтобы ему было так плохо! Никогда!

Внезапно его тело напряглось и перестало дёргаться, а лицо исказилось гримасой, которую нельзя было спутать ни с чем, кроме отчаяния. Хриплым, сдавленным голосом он издал последний крик... Всего лишь одно слово:

— Гермиона...

Вспотевшая и дрожащая целительница, которая присматривала за Гарри, встала с кровати и принялась отчитывать их за грубое вторжение, но под угрожающим взглядом Гермионы быстро замолкла.

«Счастливое воспоминание... счастливое воспоминание...»

После всех невзгод в её жизни было трудно припомнить что-нибудь подходящее. Когда проходили занятия Отряда Дамблдора, она использовала воспоминание о Святочном балу на четвертом курсе. То, как все таращились на неё, эти неверящие взгляды, которыми провожали ее знакомые. То восхищение во взгляде Гарри, когда она спускалась по лестнице.

Ранее в этом году она успела убедиться в том, что это воспоминание потеряло свою силу. Все усилия, потраченные на подготовку к Святочному балу, не принесли ожидаемых результатов. Теперь это воспоминание было недостаточно счастливым для неё, по сути, оно стало совсем не счастливым. Ей нужно было новое, более сильное.

Стараясь не кричать, Тонкс прошипела сквозь сжатые зубы Гермионе:

— Что вы себе позволяете? Вы не можете вот так врваться в палату! — глаза Тонкс сузились,

изучая пару, но потом смягчились. Она была уверена, что это настоящие Рон и Гермиона, особенно после того, как увидела на лице Гермионы то печальное и взволнованное выражение, что было у неё последнее время.

Гермиона проигнорировала жужжание под ухо — замечания Тонкс — она была слишком занята перебором своих воспоминаний. Когда она последний раз радовалась? Когда она последний раз ощущала восторг? Когда последний раз её сердце начинало учащённо биться от чего-то, кроме страха или паники?

«Но... но мне не всё равно, потому что я... я... лю... я люблю...»

Только воспоминание о тех словах, прошептанных на ухо, зажгло огонь в её душе.

Все в комнате ахнули, когда Гермиона достала палочку и направила ее на Гарри.

«Пожалуйста, пусть это сработает...»

До того, как кто-либо смог бы её остановить, Гермиона воскликнула четким, уверенным голосом:

— EXPECTO PATRONUM!

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3816129>